DOI 10.51522/2307-0382-2021-229-6-16-31

УДК 340.5+94(47)+1:316

Н. Н. ТРОФИМОВА

начальник научного центра ВЮИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
полковник внутренней службы

Владимир

NATALIA N. TROFIMOVA

Head of the Scientific Center of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Law,
Associate Professor, Colonel of the Internal Service

Vladimir

А. С. ТИМОЩУК

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, полковник внутренней службы

Владимир

ALEXEY S. TIMOSCHUK

Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the VILE
of the FPS of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Colonel of the Internal Service

Vladimir

Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение на примере уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

**Chrono-discrete monogeographic comparative jurisprudence
on the example of the penal system of the Russian Federation**

Аннотация. В статье анализируются возможности методологии школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения применительно к уголовно-исполнительной политике, которая рассматривается в контексте советского периода модерни-

Abstract. The article analyzes the possibilities of the methodology of the school of chrono-discrete monogeographic comparative jurisprudence in relation to the penal policy, which is considered in the context of the Soviet period of modernization of Russia. The subject of the article is the arrays

зации России. Предметом статьи выступили массивы социально-правовой информации в области уголовного уложения, истории пенитенциарной системы, истории становления институтов общественного контроля, генезиса русского языка в политико-правовой сфере. Цель исследования – продемонстрировать, что пенитенциарная политика носит хронодискретный характер, что обусловлено особенностями цивилизационного отставания России в начале XX века и требованиями догоняющей модернизации ее технологического уклада. Методологическую основу исследования составил хронодискретный моногеографический сравнительно-правовой подход, который, помимо известных сравнительного, исторического, формально-правового видов анализа, исходит из следующих исследовательских установок и допущений: 1) объект берется в одной топологии, но в разных периодах; 2) ученый полагает, что имеет место хроноразрыв у социально-правовых и политических процессов. В результате проведенной работы изучены национальные особенности в эволюции пенитенциарной политики с конца XIX по конец XX века. Представлен ретроспективный анализ гуманизации уголовно-исполнительной политики и названы причины советской хронопаузы в соблюдении прав человека, обоснована историческая гетеродинамика УИС в системе государства и права. Косвенно затронуты проблемы взаимодействия пенитенциарной системы с институтами гражданского общества. Сделаны выводы о том, что актуальный гуманистический тренд развития УИС является естественным продолжением пенитенциарных реформ XIX века, произошедших после необходимой социотехнической модернизации России, выполненной партией большевиков.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, наказание, временной разрыв, хронопауза, ХМСР, индустриализация, модернизация, нелинейная клиодинамика.

of social and legal information in the field of the criminal law, the history of the penitentiary system, the history of the establishment of public control institutions, the genesis of the Russian language in the political and legal sphere. The purpose of the study is to demonstrate that the penitentiary policy is of a chrono-discrete nature, which is due to the peculiarities of Russia's civilizational backwardness at the early 20th century and the requirements of catching-up modernization of its technological structure. The methodological basis of the study was a chrono-discrete monogeographic comparative legal approach, which, in addition to the well-known comparative, historical, formal legal types of analysis, proceeded from the following research attitudes and assumptions: 1) the object is taken in the same topology, but in different periods; 2) the scholar believes that there is a chronological gap in socio-legal and political processes. As a result of the work carried out, national characteristics in the evolution of penitentiary policy from the end of the 19th to the end of the 20th centuries were studied. A retrospective analysis of the penal policy humanization is presented and the reasons for the Soviet chronopause in the observance of human rights are named, the historical heterodynamics of the penal system in the system of state and law is substantiated. Problems of interaction of the penitentiary system with civil society institutions are implicitly touched upon. It is concluded that the current humanistic trend in the development of the penal system is a natural continuation of the penitentiary reforms of the 19th century, continued after the necessary socio-technological modernization of Russia, carried out by the Bolshevik party.

Key words: penal system, punishment, time gap, chronopause, chrono-discrete monogeographic comparative legal approach (HMSR), industrialization, modernization, nonlinear cliodynamics.

12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки)
Criminal Law and Criminology; penal law (legal sciences)

12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки)
Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state (legal sciences)

Введение

Школа хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (ХМСП) зародилась в Нижнем Новгороде. Ее основатели, специалисты в сфере историко-правовой науки Демичев Алексей Андреевич и Демичев Кирилл Андреевич, задумали описать причины временных разрывов в развитии общественно-правовых систем. Научная школа провела десятки конференций, выработала научно-методологический аппарат и вполне может претендовать на успешную историко-правовую методологию анализа и прогноза развития российского общества. Основополагающая идея школы, которая заключается в том, что правовые явления имеют не только эволюционный, но и рекуррентный характер, весьма продуктивна и соответствует комплементарной логике неклассической науки, где объекты рассматриваются в своем историко-культурном контексте, эмерджентно и синергично. Применение ХМСП-методологии доказало свою эффективность в отношении как гражданского права, так и уголовного, как материального, так и процессуального. Предметом ХМСП-анализа могут быть концепции и институты, принципы и кодексы. Цель исследования заключается в том, чтобы ответить на вопрос, почему явление имело место в истории, затем прервалось и возобновилось снова.

А. А. Демичев отмечает, что концептуальный каркас школы включает следующие категории: «ХМСП-методология», «сравнительное правоведение», «хронодискретная идея», «хронодискретное явление», «хронодискретный институт», «хроноразрыв», «хронопауза», при этом научное направление не ограничивается темпоральными и географическими рамками российского общества [1].

ХМСП интерпретирует советское общество как модернизационный проект, который был призван в ускоренном режиме сократить отставание от передовых капиталистических стран по экономическим, индустриальным и социокультурным параметрам. Форсированный характер модернизации не мог не испытать на прочность социальные связи, он также определил драматическую судьбу российской оппозиции.

ХМСП-методология актуализирует интерес к динамике исторического процесса России, который представляет собой диалектику преемственности и хроноразрывов и где советское прошлое рассматривается объективированно, без идеологических штампов. Экстремальное ускорение социально-экономических процессов и длительное прерывание деятельности нормальных гуманистических форм защиты прав личности и реализации индивидуальных свобод создавали негативный образ СССР, подрывали его ресурс «мягкой силы». Вместе с тем, как уже ранее это описал А. С. Тимощук, асимметрии и хроноразрывы, аномалии и антиномии государства были ответом на неравновесность самого развития [2].

Флуктуационные тенденции к возврату на нормальный курс развития были задолго до М. С. Горбачева, официально начавшего дискурс комфортного социализма с человеческим лицом. Самым первым могильщиком единственного возможного коммунизма как военной диктатуры стал Н. С. Хрущев, допустивший индивидуальное вместо коммунального, потребление вместо самоотдачи. Как объясняет А. А. Ивин, от этого размягчения социализма до перестройки оставалось уже рукой подать [3]. Кривая хроноразрыва устремилась к точке восстановления дореволюционных институтов и форм-

реализации прав человека. Процессуальные институты, апелляционное производство, свобода вероисповедания, частная собственность, суд присяжных, нотариат, общественные наблюдательные советы, ипотечное законодательство, духовное окормление заключенных, военное духовенство – восстановление этих социальных форм является шагами к человекомерному обществу.

Пенитенциарная квалиметрия жизни

Уголовно-исполнительная система в новой России занимает особое место как один из наиболее ярких индикаторов состояния развития общества и государства. Известное, приписываемое Ф. М. Достоевскому высказывание «Если общество хочет проверить уровень своей цивилизации, пусть заглянет в тюрьму» как нельзя точно отражает идею того, что квалиметрия человечности начинается не с супермаркета и не с индустрии пластической хирургии, а с инспекции тех мест, где *homo sapiens* находится в наиболее отчужденных лиминальных состояниях, – тюрьма, детский дом, дом престарелых. По сравнению с другими домами призрения тюрьма – это самый массовый институт, через который проходят сотни тысяч судеб. Она формирует и транслирует свою субкультуру, язык, нравы.

Коренные изменения после революционных событий октября 1917 года инициировали череду масштабных разрывов в общественных отношениях, институтах, праве. Время, именуемое в культурологии Серебряным веком, стало «золотым» для развития общественного сознания. За короткий период между реформами Александра II и революцией 1917 года были достигнуты очень важные сдвиги в общественном развитии, политической

системе, уголовном законодательстве. Однако они были уже запоздалыми ответами на вызовы времени. Изучение правовых хроноразрывов в России имеет поэтому драматический оттенок «упущенных возможностей» – комментирует Н. Н. Трофимова [4].

Начало гуманизации уголовно-исполнительной системы было положено в конце XIX века стараниями государственных и общественных деятелей, таких как министры юстиции Н. В. Муравьев и К. И. Пален, заместитель министра внутренних дел А. Б. Лобанов-Ростовский, тюрьмоведы В. А. Соллогуб и М. Н. Галкин-Враской, член Государственного совета К. К. Грот.

Улучшение питания и проживания арестантов, оплачиваемый труд, организация артелей с обучением ремеслу – эксперименты, начатые в Московской, Царицынской и Самарской губерниях, впоследствии должны были быть распространены по всей Российской империи, но революционные события отсрочили их на 70 лет.

Цель реформ конца XIX века – это модернизация пенитенциарных учреждений в соответствии с социально-экономическими и политическими условиями развития российского общества и государства и с учетом европейских достижений и стандартов в уголовно-исполнительной сфере. Н. Н. Трофимова сообщает, что реализация данной цели предполагала улучшение качественного состояния мест заключения и условий содержания в них [5].

Как и в прошлом, современные реформы вызывают недоумение в массе соотечественников: «такие условия не у всех граждан России есть». Ведь реформы XIX века начали создавать бытовые удобства для заключенных в виде водопровода, парового отопления, канализации, вентиляции, электрического освещения, которыми не

обладала масса беднейшего населения до-революционной России. Социально-бытовое неравенство было прервано хронопаузой советского распределительного эгалитаризма. Всеобщий достаток достигался в том числе ликвидацией различий в социально-бытовом развитии. Сегодня мы можем говорить не только о хронодискретности институтов гражданского общества, но и о возврате социального неравенства.

Существенной хронодискретной вехой является Уголовное уложение 1903 года, где реализовывались вопросы защиты частной собственности, упрощение системы наказаний, смягчение наказаний несовершеннолетних, закрепление принципа законности. Сотрудник ВШЭ Ф. Ф. Дудырев указывает, что последний уголовно-правовой акт Российской империи исправлял анахронизмы прошлого – слишком большое внимание на наказаниях, устарелость русского материального права, сословные привилегии [6]. Однако советское уголовное право возвратило классовый подход, репрессивность и применение кодекса в политической борьбе.

Помнению Н. Н. Трофимовой и К. М. Щепетова, международный обмен пенологическим опытом, тюремный патронат, постпенитенциарное попечение – все это уже было у нас на этапе нормального эволюционного развития системы [7]. Приход большевиков к власти в 1917 году – это граница между обществом поступательной эволюции и обществом революционного скачка. Разрыв карательной политики был неизбежен, поскольку достижение высоких показателей не было обусловлено самим ходом истории. Социальные изменения нужно было форсировать, а это означало неизбежность террора.

Возвращение российского государства к либеральной модели общественной жизни и наказания стало возможно

только после ускоренной индустриализации, перераспределения собственности, выравнивания уровня жизни. Умеренный экономический либерализм, дополняемый нравственным консерватизмом, есть естественное развитие общества процветания, к которому приходят после ликвидации разрыва в имущественном состоянии. Запретить лозунг «Грабь награбленное!» можно только в условиях появления массового класса собственников. Советская власть, отрицавшая частную собственность, подготовила этот класс благодаря социально-экономическому рывку в производстве потребительских товаров, типовом жилищном строительстве, индустриализации и урбанизации.

Открытие постсоветской эпохи заключалось в том, что путь развития до октября 1917 года – это нормальная эволюционная парадигма, прервав которую, мы не можем предложить ничего лучшего, как встать снова на путь государственно-правовых институтов начала XX века. Частная собственность, парламент, прокуратура, адвокатура, мировой суд, суд присяжных, институты гражданского общества – все это незаменимые инструменты открытого общества, полагают Н. Н. Трофимова и Д. И. Рубцов [8]. Сотрудник рязанской Академии ФСИН России А. В. Илюхин делает прогноз, что некоторые пенитенциарные институты Российской империи вполне могут получить второе рождение в современной России, в частности это ссылка, способная разгрузить большие города и поддержать удаленные территории трудовыми ресурсами [9].

Юридически в советский период не было разрыва между гуманистической и репрессивной системами наказания, была только хронопауза 1918–1936 годов, когда и на уровне законов действовал классовый принцип наказания. Формально юридиче-

ски он устраняется уже в сталинской конституции, предусматривавшей демократические права (Конституция 1936 года, глава X: всеобщие права граждан СССР на труд, отдых, материальное обеспечение в старости, образование и другие). В этом заключается существенное отличие между двумя тоталитарными режимами. В нацистской Германии был хроноразрыв между юриспруденцией гуманистической и репрессивной нацистской, когда на уровне закона были сформированы концепции «недочеловека» и «окончательного решения еврейского вопроса». О хронопаузе в большевистской России следует говорить, когда воинствующая риторика по отношению к «бывшим» постепенно на уровне законов угасла.

Конечно, это не означает, что на социально-экономическом уровне в СССР произошло восстановление в правах либеральных институтов. Здесь как раз наблюдается хроноразрыв, в отличие от Западной Германии, где в постнацистский период социально-экономической политики Аденауэра были восстановлены институты гражданского общества, была запущена программа реституции собственности-евреев *Wiedergutmachung*.

Социально-экономический хроноразрыв института собственности оказался ощутимым, и возврат института собственности в 90-е годы происходил болезненно и травматично, а программа реституции была осуществлена только выборочно. Несмотря на 30-летнее восстановление института собственности, периодически слышны заявления о необходимости реприватизации, пересмотра результатов ваучеризации. Советская мораль, делавшая честность и справедливость несовместимыми с владением богатством, до сих пор имеет значительное количество сторонников в условиях нового социального

расслоения. В этом контексте становится очевидной причина нарушения нормального развития права и государства – ему предшествует социально-экономический и классовый разрыв. ХМСП-методология в этом смысле имеет гуманистическую бесконфликтную направленность, в отличие от марксизма. Она допускает устойчивое поступательное развитие общественных и государственных институтов в такой политической системе, где имеет место снятие имущественных, образовательных, культурных антиномий. И напротив, растущее экономическое расслоение, люмпенизация, маргинализация – все это факторы увеличения преступлений не только против собственности, но и против государства, которое в ответ, стремясь защитить интересы верхов, становится все более репрессивным.

События 1917 года в нашей стране также получают переосмысление в свете ХМСП-методологии. Революция – это не только насильственная перестройка повседневности, это еще ускоренная социальная модернизация или быстрый насильственный способ передела собственности. Подобно тому, как повстанцы Пугачева жгли деловые бумаги, что символизировало свободу от права собственности на крепостную зависимость, Октябрьская революция означала конфискацию и национализацию [10]. Машина насилия не может остановиться только на классовых врагах. На следующем этапе врагами становятся вчерашние союзники: левые эсеры и анархисты. После этого врагов начинают искать среди своих партийцев и беспартийных. ГУЛАГ уже был встроен в саму логику ускоренного социального преобразования, и он стал символом сталинской модернизации. Как же менялась пенитенциарная политика с точки зрения ХМСП-методологии?

Истоки ГУЛАГа

Уголовно-исполнительная система оказывает значительное влияние на все сферы общества, а в особенности на институциональную, правовую, медицинскую, международную. Тюрма социализирует значительный класс людей во все времена, зачастую именно там создается образ будущего мира. В свое время она была университетом большевиков, а когда они пришли к власти, снова стала символом политического вольнодумства, диссидентского движения.

Сегодня, когда столько внимания уделяется недопущению нарушения прав подследственных, подсудимых и отбывающих наказание, принципиально важно разобраться, почему прервалась гуманизация пенитенциарной политики, начало которой было положено в конце XIX века. Наиболее существенные причины гуманистического хроноразрыва в уголовно-исполнительной политике крылись в социальных противоречиях того времени.

Советская власть действительно не питала никаких симпатий к представителям непролетарского происхождения. Буржуазия, духовенство, помещики, дворяне, зажиточные крестьяне были поражены в правах и испытали на себе гонения, высылки, расстрелы. Лишенцы не имели избирательных прав, не могли устроиться на работу, кредитоваться, получить карточки; они облагались дополнительными налогами, а их дети не могли получить среднее и высшее образование. По мере расширения программы раскулачивания у крестьян не только забирали дом, имущество и продовольствие, с 1932 года они депортировались на лесо- и торфозаготовки. Среди спецпереселенцев, направлявшихся преимущественно на Урал, в Сибирь и Северный Казахстан, была высокая смертность от холода, голода и болезней. Трудпоселки

нередко представляли собой необжитую территорию, куда ссылались «неблагонадежные» элементы.

Нормативная база раскулачивания была обусловлена политикой социалистического наступления на капиталистические элементы деревни, сформулированной как обязательное членство в кооперативном плане В. И. Ленина. Реализация И. В. Сталиным кооперирования деревни как общеобязательного участия всех крестьян была дополнена изменением добровольности взносов на принудительное обобществление.

Кооперативное законодательство эволюционирует от разнообразия экономических регуляторов кооперации, включая аренду земли и использование наемного труда, до представления кооперации как классового инструмента государственной политики с практикой запрета выезда из колхоза, отказа в выдаче паспорта, лишения избирательного права, конфискации имущества, выселения на неосвоенные территории и вплоть до самого революционного метода – ликвидации «эксплуататоров крестьянства». Существенными детерминантами политики в отношении деревни становятся война, нужды Красной армии и пролетариата в городах, заставляющие СНК РСФСР выпускать акты об изъятии сельскохозяйственных продуктов у крестьян. Эту динамику можно проследить в ранних правовых актах до НЭПа (1918–1921 годы), во время НЭПа (1921–1929 годы) и после НЭПа: декрет ВЦИК «О социализации земли» от 19.02.1918; декрет СНК РСФСР «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» от 11.01.1919; декрет ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21.03.1921; декрет ВЦИК и

СНК РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации» от 16.08.1921; Земельный кодекс 1922 года; постановление ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государственному колхозному строительству» от 05.01.1930; Примерный устав сельскохозяйственной артели 1930 года; постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 01.02.1930; постановление ЦИК и СНК СССР «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию» от 13.11.1930; постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов» от 17.03.1933; постановление СНК СССР «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами» от 19.09.1934 – узнаем мы из работ Е. А. Пановой [11] и Е. В. Королевой [12].

Беспрецедентная кампания по искоренению «классово-чуждых элементов» дополнилась шпиономанией, борьбой с контрреволюцией и просто террором как практикой устрашения общества. Поддерживалась атмосфера взаимного недоверия: детей врагов народа не брали в школы, а их родственников – на работу.

Ужесточение условий содержания заключенных происходило по многим причинам, среди них и второстепенные, которые сопровождали борьбу с классовыми врагами. Известно, что региональные партийные руководители, желая отличиться перед высшим руководством, просили увеличить пришедшие из Кремля планы по ликвидации неблагонадежных. И. В. Сталину приходилось порой останавливать наиболее рьяных сторонников репрессий. Поэтому сегодня объяснять феномен ГУЛАГа культом вождя было бы упрощением реальности. Масса руководи-

телей на местах была готова к террору, и в этом смысле прерывание гуманистической традиции – это массовый психический феномен, актуализация воли толпы, жаждущей крови.

Мы можем увидеть сходное помешательство насилием во Французской революции, когда одержимые террором Робеспьер, Марат, Кутон, Сен-Жюст осознают себя проводниками счастливого будущего нации, для которого нужны горы трупов, и считают, что ради торжества идей народовластия, демократии, прав и свобод нации, истины и справедливости необходимо уничтожить всех без исключения врагов родины.

Третий интернационал и борьба за мировое господство пролетариата есть, как известно, продолжение революционного радикализма Парижской коммуны. Вечное братство эгалитарной справедливости оказалось утопическим проектом, целостность которого необходимо было поддерживать, зачищая политический конвент от оппозиции.

Красная Россия ориентировалась на Парижскую коммуну и сама затем стала образцом для других диктатур – Китая и Вьетнама, Северной Кореи и Камбоджи, где были уничтожены миллионы граждан. Ким Ир Сен, Мао Цзэдун, Пол Пот вдохновлялись примером Маркса, Ленина и Сталина. Прерывание гуманистической традиции во всех этих государствах связано с дестабилизацией социальных отношений.

Представлять Сталина кровожадным монстром было бы ошибочным. Сама партийная и общественная среда давала одобрение на жесткий курс. Лозунг № 1 того времени – «Смерть изменникам Родины». Обратим внимание на рупор партии – масс-медиа, которые со страниц газет призывали «клеить наймитов», «жечь подлых

шпионов и убийц», «разоблачить всех двурушников», «крепче ударить», «идти в наступление на разгильдяйство», «ударить социалистическим штурмом по оппортунизму», «призвать к суровому суду правых отщепенцев – предателей и изменников родины». Каждодневный труд воспринимался как передовая, фронт, борьба. «Нужно драться за урожай, идти в атаку на засуху, мобилизовать комсомольцев, встретить новый учебный год во всеоружии» – фиксируют в своем исследовании исторические изменения русского языка О. А. Мусорина и С. Г. Сорокина [13].

Трудно ожидать образцов гуманного поведения от обездоленной бедноты. Пролетариат и безземельное крестьянство ратовали за насилие, так как оно представлялось наиболее естественным в рамках классовой борьбы. Раскулачивание порой превращалось в дележ имущества тех, кто мог позволить себе купить городскую обувь и железные кровати.

Говоря о причинах хроноразрыва карательной политики в истории России, мы не должны забывать, что существенная причина, как бы это ни было очевидно, заключалась в том, что советский режим постоянно испытывал на себе давление не только извне, но и изнутри. Им были недовольны не только «антисоветские элементы», то есть белогвардейцы, консервативное духовенство, представители оппозиционных партий. Постепенно сформировались внутрипартийные группы, которые боролись за «дело Ильича». Демократические процессы действовали неумолимо. Открытый парламентаризм, яркая характеристика политической истории России начала XX века, которым воспользовалась партия большевиков и который она так презирала, преследуя несогласных, вернулся вновь в виде внутренней борьбы за лидерство идей. Троцкизм, о котором мы сейчас уже

стали забывать, означал яростную конкуренцию элит внутри партии большевиков. Лев Троцкий был самым сильным оппонентом, имея революционные заслуги и авторитет в армии. Помимо него несогласными были как старые кадры, имевшие особенное мнение (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, А. С. Енукидзе), так и новые (Г. Г. Ягода, М. Н. Тухачевский).

Бескомпромиссность большевиков в создании советской (то есть демократической, представительской!) власти диалектически дополняется разгоном Учредительного собрания, преследованием инакомыслящих. Леворадикальный марксизм не мог быть иным. Большевизм означал дисциплинированный авангард, использующий методы жесткой диктатуры, государственного террора, экспроприации имущества. Его историческим архетипом, как мы уже говорили, можно считать Парижскую коммуну.

Лаг в поступательном эволюционном развитии России возник вследствие военно-политического и экономического отставания, и большевизм решительно предлагал его преодолеть. Сталинизм – это последовательная часть большевизма, методическая работа по организации диктатуры партийной элиты. Номенклатурное воплощение рабочего правительства было более реалистическим проектом, нежели коммунистический идеал Французской революции.

Хроноразрыв в карательной политике наступил не из-за личности Сталина. Террор – это общее место для революционеров, это ответ на вопрос, как достичь идеалов равенства, братства, свободы при наличии несогласных. Риторика борьбы с врагами народа была неизбежна после нарушения нормальной поступательной эволюции государства и общества.

Если и обвинять Сталина в репрессиях, то под этим надо подразумевать, что он являлся лучшим бюрократом из всех большевиков, методически и системно наладившим дело террора. При всем жандармском характере царской России такой масштаб репрессий там даже не снился. Тюремная политика с конца XIX века шла уверенно по пути гуманистических реформ. В чем же экономическая причина прерывания этой тенденции?

Отправная точка образования ГУЛАГа – это наложение классовой борьбы на потребность в подневольном труде, дешевом источнике индустриализации, когда решение сверхзадач молодого технологического государства достигалось доиндустриальными методами. Субъекты красного террора – заключенные ГУЛАГа были брошены на стройки века, на освоение удаленных от центра, но богатых природно-сырьевыми ресурсами территорий СССР, об этом повествуют в своих исследованиях Н. Ю. Бельх, Л. И. Бородин, С. Эртц, П. Грегори, О. В. Хлевнюк [14, 15, 16].

Заведующий кафедрой истории и культуры Ухтинского государственного технического университета А. Н. Кустышев так объясняет сущность государственной лагерной политики: «Анализ имеющихся по теме исследования источников показывает, что в предвоенный период в ведении НКВД находились крупные строительные объекты, запуск которых имел важное значение для экономики страны. Наличие огромных людских ресурсов, находившихся в распоряжении Наркомата внутренних дел, породило иллюзию быстрого решения задач, связанных с экономическим развитием страны, способствовало принятию планов форсированного возведения крупнейших производственных объектов» [17].

Лагерная система заменила царскую тюрьму, так как соответствовала задачам

промышленного рывка, масштабному плану открытия сотен предприятий металлургического, химического, лесоперерабатывающего профиля.

Данная статья не ставит перед собой цель изучить механизмы принуждения, способы управления и правовые акты исправительно-трудовых лагерей, этапы становления ГУЛАГа. Исследование нацелено на изучение пенитенциарной социодинамики с учетом ХМСП-процессов. Юридические основы труда заключенных, управление лагерями, экономические функции ГУЛАГа, деятельность самих исправительных учреждений исследованы в работах Н. А. Беловой, Л. И. Бородин, Г. М. Ивановой, В. А. Козлова, О. В. Хлевнюка, И. П. Упорова и других. Огромный пласт исторической информации в отношении иных «неблагонадежных» категорий населения, видов наказаний и оснований их назначений, статистических данных и нормирования использования труда осужденных содержится в исследованиях С. И. Кузьмина [18].

Несомненно, гуманизм не означает попустительства, а репрессии нельзя представлять как невроз Сталина. Авторы стремились продемонстрировать, как логика революционного террора соответствовала социальной инженерии молодого государства и уровню развития правосознания населения. В деле удушения контрреволюции не могло быть сомнений и отступлений, а под категорию антисоветских граждан, действительно, попадали очень многие из разнородной массы народов и социальных групп.

В статье также не обсуждается деятельность правозащитных некоммерческих организаций, таких как Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», фонд «В защиту прав заключенных»,

Московская Хельсинская Группа и другие организации, ведущих исследовательские программы, посвященные жертвам политического террора. Деятельность правозащитников освещена в трудах Л. М. Алексеевой, А. В. Гавриловой, В. Н. Казьмина, М. В. Шавруковой. Институты гражданского общества, процессы реабилитации узников ГУЛАГа – это часть становления нормального общества, приходящего на смену форсированному социализму.

Репрессии в условиях разрухи стали инструментом мобилизационного хозяйствования. Миллионы трудоспособных осуществляли грандиозный план индустриализации, будучи занятыми на тяжелых работах – земляных, дорожных, лесозаготовительных, рудодобывающих и подобных. Ручной труд миллионов заключенных и спецпереселенцев в условиях слабой технической вооруженности – это одна из основ индустриального рывка. Стройки века велись главным образом с использованием самых простых инструментов – пил, топоров, лопат, кирк, тачек.

Трудовые колонии осуществляли капитальное строительство. ГУЛАГ – это огромный экономический комплекс: лесное управление, горно-металлургическая, топливная и дорожно-транспортная система. Актюбинский комбинат, Белбалт-комбинат, Бирлаг, Владивостоклаг, Волгострой, Воркутпечлаг, Вятлаг, Джезказганский комбинат, Дальстрой, Ивдельлаг, Каргопольлаг, Карлаг, Краслаг, Куйбышевстрой, Кулойлаг, Локчимлаг, Новотамбовлаг, Онеголаг, Провлаг, Райчихлаг, Североникель, Севурлаг, Свирлаг, Соликамстрой, Темлаг, Томасинлаг, Унжлаг, Усольлаг, Устьвымлаг, Ухтижемлаг, Южпечстрой – все это свидетельства трудового подвига заключенных, которые добывали для страны лес и уголь, золото и олово, медь и никель, цемент и целлюлозу, электроэнергию,

строили дорожные сети, заготавливали рыбу и овощи. Капитальное строительство, гидротехнические сооружения, аэродромы, радиостанции, шоссейные линии, судостроение – вклад осужденных в экономику СССР поистине огромен. НКВД представляло собой большой хозяйствующий субъект с крупными промышленными мощностями.

Механизм ГУЛАГа использовался для ускоренной модернизации производства. Не справляешься с заданиями партии – в лагеря на трудовое перевоспитание. Эта причина, на наш взгляд, является одной из центральных. Возможно, она даже перевешивает идеологические разногласия. Ведь, несмотря на свои репрессивные практики, партия большевиков исходила из демократических принципов и защиты прав человека. Исправительно-трудовой кодекс 1924 года, сталинская конституция 1936 года, советская прокуратура – это примеры общенародных демократических текстов и институтов, которые не всегда находили воплощение в реальности. Первая половина XX века, в принципе, вошла в историю как эпоха жестокого обращения с массами людей (лагеря, депортации, геноцид).

Память о репрессиях постепенно покрывается все новыми и новыми слоями медиатизации. Музей истории ГУЛАГа в Москве – это только один «часовой» памяти страшного прошлого нашей страны, и его не хватает для меморизации травмы прошлого, которая постепенно вытесняется из общественного сознания.

Выводы

Представления о поступательном развитии общества и его институтов следует дополнить нелинейными факторами временного разрыва или хронопаузы, когда общество догоняющего типа реализует

угнетенные доселе тренды. Нормальное классическое развитие России было прервано из-за социально-экономического отставания, когда нужно было перестраивать общественные отношения, осуществлять индустриализацию, урбанизацию, механизацию сельского хозяйства. Огромная аграрная страна не могла принять европейские стандарты содержания заключенных в условиях обострения социальных противоречий. Большевики – это партия мобилизационного рывка, ускоренного социально-экономического развития, на алтарь которого были принесены миллионные жертвы ГУЛАГа.

При этом хроноразрыв в России реализовался по неклассическому сценарию, когда некоторое подобие демократизма и гуманизма по отношению к осужденным можно было усмотреть в выступлениях и действиях первых лиц государства в самые первые годы советской власти, а также после хрущевской оттепели.

Если говорить о декларативной части советской юстиции, то она имела гуманистический фасад на протяжении всего периода своего существования. В советской прессе регулярно публиковали статьи о социальной защите семей заключенных, об улучшении их быта, об освобождении женщин и детей от трудовой повинности, о чем сообщают М. М. Горбунова, Д. И. Рубцов и Н. Н. Трофимова [19].

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года также можно рассматривать как гуманитарную завесу над репрессивной системой. В тексте идет отсылка к прогрессивной системе социальной защиты, комиссионному рассмотрению надзора за осужденными, участию народных судей и представителей профсоюза в наблюдательной комиссии, к значительному применению принудительных работ без лишения свободы, к учету склонности заключенно-

го к тому или иному виду труда, к защите прав беременных заключенных женщин, к организации постпенитенциарных институтов, оказанию юридической и медицинской помощи, профессиональному и общеобразовательному развитию заключенных.

Уголовно-исполнительная система является неклассическим хронодискретным институтом, ее гуманистические стандарты были сформированы в конце XIX – начале XX века, специфическим образом трансформировались в репрессивно-исправительную советскую систему и возродились только в конце XX века, когда был воссоздан и сам гуманистический контекст новой России, а именно гражданское общество.

Хроноразрыв в развитии уголовно-исполнительной системы 1917–1989 годов вызван реализацией догоняющего плана модернизации государства, вызвавшей обострение классовых противоречий и необходимость имплементации мобилизационной экономики, одним из условий которой стал принудительный труд заключенных.

Хронодискретная пауза в развитии уголовной политики имеет, таким образом, не просто формально-юридический характер, когда в 1924 году принимается Исправительно-трудовой кодекс. Фактическая пауза наступила вследствие классовой концепции общества.

ХМСП-анализ позволяет прийти к системным выводам о необходимости профилактики гуманитарных разрывов в пенитенциарной политике, что невозможно без снятия социальных конфликтов труда и капитала. Безработица, коррупция, разрыв между бедными и богатыми – это социальная почва для дестабилизации устойчивого развития государства. И здесь поправки в Конституцию о со-

циальных гарантиях – это только первый шаг. Чтобы Россия устойчиво развивалась без разрывов и социальных потрясений, необходимо комплексное, систематическое и последовательное выравнивание социально-экономического уровня жизни населения, развитие среднего класса.

При раскрытии социально-экономических проблем постсоветской России авторами статьи были рассмотрены не все феномены. Своих исследователей в ХМСП-методологии ждут такие явления, как рэкет, новые русские, демонстративное потребление, меценатство, рекомендательная контора (сейчас это называется «специализированное агентство по подбору персонала»). Например, до революции в барских домах было много видов занятости (управляющий имением, экономка, лакей, гувернантка, кормилица, танцмейстер, кухарка, половой, садовник, конюх, егерь, каретник, кучер, прачка), но после раскрепощения прислуги они были упразднены. Революция трансформировала рынок труда, и эти профессии практически исчезли; только советская номенклатура могла себе позволить стыдливо нанимать прислугу. В новом буржуазном российском обществе стыдиться прислуги не принято и многие из этих занятий возвращаются. Пока только армия сопротивляется и не приемлет

денщиков и адъютантов. Домработница, няня, батлер, охранник, горничная – востребованные кадры в имениях олигархов. В связи с появлением новой буржуазии и дифференциацией стилей потребления спрос на домоводство очень высок. Рынок российской прислуги насчитывает несколько миллионов самозанятых.

Продолжая идею хронодискретности и учитывая, что многие процессы в истории развиваются по спирали, не хотелось бы думать, что отдельные явления ждут своего нового часа (профсоюз, революция, комиссар, ЧК, реввоенсовет, экспроприация).

Завершим мы статью праздничным настроением. Главное торжество СССР – 7 ноября, годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, сменил сегодня восстановленный праздник 4 ноября, который был учрежден династией Романовых как празднование Казанской иконы Божией Матери в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 году. В постсоветское время произошла реституция дореволюционного праздника сначала как День согласия и примирения, а затем как День народного единства. В условиях глобализации жизненно необходима национальная идентификация. Методология ХМСП дает теоретическую основу социальному конструированию и смысловому наполнению общенародных скреп. ♦

1. Демичев А. А. О понятийном аппарате хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения : сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции. Нижний Новгород : НИУ РАНХиГС, 2019. С. 9–19.

2. Тимощук А. С. ХМСП: метафизика, философия, системогенетика // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения : сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2019. С. 19–25.

3. Ивин А. А. Три русских революции в XX веке // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : сборник научных статей. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 284.

4. Трофимова Н. Н. Пенитенциарная система Российской Империи в эпоху общественно-политического кризиса революционного периода (1905 – февраль 1917 гг.) // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире : сборник трудов Международной научной конференции. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2017. С. 450–454.
5. Трофимова Н. Н. 12 марта – день работника уголовно-исполнительной системы: история праздника // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 1. С. 33.
6. Дудырев Ф. Ф. Разработка и принятие уголовного уложения 1903 г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4. С. 193–198.
7. Трофимова Н. Н., Щепетов К. М. Исторические традиции формирования общественного контроля за постпенитенциарной адаптацией осужденных в Российской Империи (конец XIX – начало XX в.) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 1. С. 101–106.
8. Трофимова Н. Н., Рубцов Д. И. Международные тюремные конгрессы как форма сотрудничества в сфере исполнения уголовных наказаний (историко-правовой аспект) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 5. С. 24–27.
9. Илюхин А. В. Перспективные направления исследований по истории уголовно-исполнительной системы России через призму научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения : сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2019. С. 253–263.
10. Тимошук А. С. Революция и гражданская война в России как инструменты модернизации общества // Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов : материалы Всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны (7 декабря 2017 г.). Курган : Изд-во Курганского государственного университета, 2017. С. 3–11.
11. Панова Е. А. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Центрально-Черноземной области в 1929–1932 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет, 2007. 21 с.
12. Королёва Е. В. Организационно-правовые основы коллективизации сельского хозяйства в Советской России в 20–30-е годы XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2013. 21 с.
13. Мусорина О. А., Сорокина С. Г. Русский язык в советский и постсоветский период : монография. Пенза : ПГУАС, 2014. С. 35–36.
14. Белых Н. Ю. Экономика ГУЛАГА как система подневольного труда (на материалах Вятлага, 1938–1953 гг.). М. : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина» : РОССПЭН, 2011. 293 с.
15. ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред.: Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 315 с.
16. Бородин Л. И., Эртц С. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 1930-х – начало 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М. : РОССПЭН, 2004. С. 177–233.
17. Кустышев А. Н. Промышленное строительство в системе ГУЛАГа на Европейском Севере России в 1930 – начале 1940-х годов: масштабы, тенденции, проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7, № 6. Ч. 2. 2015. С. 1–5.
18. Кузьмин С. И. Роль ГУЛАГа в карательной системе советского государства // Преступление, наказание, исправление (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сборник тезисов выступлений и докладов участников IV Международного пенитенциарного форума. В 10 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 71–76.

19. Горбунова М. М., Рубцов Д. И., Трофимова Н. Н. Формирование общественного мнения о деятельности отечественной системы исполнения уголовных наказаний в советский период // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 171–177.

1. Demichev, A. A. (2019) *On the conceptual apparatus of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence* // Actual problems and prospects for the development of the scientific school of Chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence : a collection of scientific papers based on the materials of the Second All-Russian Scientific Conference. Nizhny Novgorod : Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, pp. 9–19.

2. Timoschuk, A. S. (2019) *HMSF: metaphysics, philosophy, systemogenetics* // Actual problems and prospects for the development of the scientific school of Chronodiscrete monogeographical comparative jurisprudence : a collection of scientific papers based on the materials of the Second All-Russian Scientific Conference. Nizhny Novgorod : Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, pp. 19–25.

3. Ivin, A. A. (2017) *Three Russian revolutions in XX century* // Revolution and evolution: models of development in science, culture, society : collection of scientific articles. Nizhny Novgorod : Publishing house of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, p. 284.

4. Trofimova, N. N. (2017) *Russian penitentiary system in the era of socio-political crisis of the revolutionary period (1905–February 1917)* // Law and Power: Basic Models of Interaction in a Multipolar World : Proceedings of the International Scientific Conference. Voronezh : Nauka-Unipress, pp. 450–454.

5. Trofimova, N. N. (2017) On March 12 - day of the worker penal system: holiday history // *Penal law: legal theory and law enforcement practices*. 1, 33.

6. Dudyrev, F. F. (2009) Development and adoption of the criminal code of 1903 // *Actual Problems of Economics and Law*. 4, 193–198.

7. Trofimova, N. N., Shchepetov, K. M. (2016) The historical traditions of public control formation over post-penitentiary adaptation of convicts in the Russian empire (late XIX – early XX century) // *Penal law: legal theory and law enforcement practices*. 1, 101–106.

8. Trofimova, N. N., Rubtsov, D. I. (2017) International penitentiary congresses as the form of co-operation in the sentence execution sphere (legal and historical aspects) // *Bulletin of the penal system*. 5, 24–27.

9. Ilyukhin, A. V. (2019) *Promising areas of research on the history of the penal system of Russia through the prism of the scientific school of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence* // Actual problems and prospects for the development of the scientific school of Chronodiscrete monogeographical comparative jurisprudence : a collection of scientific works based on the materials of the Second All-Russian Scientific Conference. Nizhny Novgorod : Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, pp. 253–263.

10. Timoschuk, A. S. (2017) *Revolution and civil war in Russia as tools for modernizing the society* // Revolution of 1917 and Civil War: regional dimension of all-Russian processes : materials of the All-Russian round table dedicated to the 100th anniversary of the Great Russian Revolution and the 95th anniversary of the end of the Civil War (December 7, 2017). Kurgan : Publishing house of Kurgan State University, pp. 3–11.

11. Panova, E. A. (2007) *The policy of «liquidation of the kulaks as a class» and its implementation in the Central Black Earth region in 1929–1932* : abstract of thesis ... of Candidate of History : 07.00.02. Lipetsk : Lipetsk State Pedagogical University, p. 21.

12. Koroleva, E. V. (2013) *Organizational and legal foundations of agricultural collectivization in Soviet Russia in the 20–30s of the XX century* : abstract of thesis ... of Candidate of Law : 12.00.01. Kursk : South-Western State University, p. 21.

13. Musorina, O. A., Sorokina S. G. (2014) *Russian language in the Soviet and post-Soviet period* : monograph. Penza : Penza State University of Architecture and Construction, pp. 35–36.

14. Belykh, N. Yu. (2011) *The economy of the GULAG as a system of forced labor (based on materials from Vyatlag, 1938–1953)*. Moscow : Boris Yeltsin Presidential Center Foundation : ROSSPEN, p. 293.
15. Executive Editors Borodkin, L. I., Gregory, P., Khlevnyuk, O. V. (2008) *GULAG: economics of forced labor*. Moscow : ROSSPEN : Boris Yeltsin Presidential Center Foundation, 315 p.
16. Borodkin, L. I., Ertz, S. (2004) *The structure and stimulation of gulag forced labour: norillag, late 1930s – early 1950s* // Economic history. Yearbook. 2003. Moscow : ROSSPEN, pp. 177–233.
17. Kustyshev, A. N. (2015) Industrial building in the system of gulag in the European north of Russia in the 1930 – early 1940s: scope, trends and challenges // *Historical and Social-Educational Idea*. Vol. 7, 6. Part 2, 1–5.
18. Kuzmin, S. I. (2019) *The role of the GULAG in the punitive system of the Soviet state* // Crime, punishment, correction (to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia) : a collection of abstracts and reports participants of the IV International Penitentiary Forum. In 10 volumes. Ryazan : Academy of the FPS of Russia, pp. 71–76.
19. Gorbunova, M. M., Rubczov, D. I., Trofimova N. N. (2018) Formation of public opinion on the activity of domestic system of execution of criminal penalties in the soviet period // *Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2, 171–177.